

Изудинова Раисат Саидовна

РОЛЬ ВОЙЛОЧНО-БУРОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЭКОНОМИКЕ ДАГЕСТАНА

Статья посвящена изучению роли войлочно-бурочного производства в экономике Дагестана в различные периоды ее исторического развития. Рассмотрены особенности становления войлочно-бурочного производства в торговых отношениях региона. Прослеживается процесс превращения данного производства в специализированный вид промысла, возникновения ремесленных центров и рассеянной мануфактуры с проникновением капиталистических отношений в Дагестан. Особое внимание уделено производству знаменитых андийских бурок, известных далеко за пределами Дагестана.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 2. С. 59-66. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 391.1(470.67)

Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению роли войлочно-бурочного производства в экономике Дагестана в различные периоды ее исторического развития. Рассмотрены особенности становления войлочно-бурочного производства в торговых отношениях региона. Прослеживается процесс превращения данного производства в специализированный вид промысла, возникновения ремесленных центров и рассеянной мануфактуры с проникновением капиталистических отношений в Дагестан. Особое внимание уделено производству знаменитых андийских бурок, известных далеко за пределами Дагестана.

Ключевые слова и фразы: Дагестан; войлочно-бурочное производство; андийская бурка; кустари-бурочники; скупщики; бурочный промысел; торговля.

Изудинова Раисат Саидовна, к.и.н., доцент

Северо-Кавказский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

aytberov@list.ru

РОЛЬ ВОЙЛОЧНО-БУРОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЭКОНОМИКЕ ДАГЕСТАНА

На основании сохранившихся источников можно судить о том, что изготовление войлока было известно многим народам еще с древнейших времен и на протяжении веков происходил довольно длительный процесс его совершенствования [11, с. 100]. Валяние войлока было известно кочевникам евразийских степей, горным скотоводам Тибета, Памира, Алтая, Кавказа, Карпат и Балкан, народам Передней Азии (Ирана, Афганистана) [43, с. 105].

Войлок испокон веков играл огромную роль в быту и хозяйстве разных народов. Широкое его применение объяснялось необыкновенными качествами войлока: это защита от влаги, жары и холода. Войлок использовался для изготовления одежды (накидки, куртки, обувь, головные уборы), предметов быта (подстилки на пол, ковры, одеяла, подушки и т.д.), снаряжения для коня, домашней утвари и многого другого. Огромный спрос имел войлок в военном деле в Средней Азии, на Кавказе и Балканах как заменитель кольчуги, подкладка под шлем, чехол для холодного и огнестрельного оружия, им обшивали снаружи верхнюю часть крепостной стены при обороне города. В народной медицине при исполнении действий и ритуалов в различных обрядах и обычаях встречаем использование войлока.

Возникновение войлочно-бурочного производства на Кавказе и, в частности, в Дагестане уходит своими корнями вглубь веков. Первые упоминания о войлоке и бурках можно найти у древних греческих историков Псевдо-Скилака, Гекатея, которые описывают кавказские племена меланхленов [14, с. 70]. «Наименование этого народа, названного так по одежде – “люди в черных плащах”, – вызывает совершенно определенные ассоциации и заставляет вспоминать о бурках – оригинальной одежде, употребляемой кавказскими народами, которая вполне могла стать причиной возникновения подобного имени» [Цит. по: Там же, с. 71]. Если это высказывание древних историков отнести именно к буркам, то можно предположить, что предки кавказцев производили бурки еще в VI в. до н.э. «Отец истории» Геродот (V в. до н.э.) упоминает черные плащи (бурки) как боевое одеяние у кавказских албанцев во время их завоевательных войн [44, с. 51].

Есть и более поздние источники, свидетельствующие непосредственно об андийцах, которые прославились изготовлением высококачественных бурок: это Мухаммед-Рафи (XIV-XV вв.), сообщающий о том, что шамхалу Казикумухскому андийцы платили 8 штук «шерстяной ткани» [41, с. 37]. Можно предположить, что речь идет о войлоке: ни исторические традиции, ни заметки путешественников, ни официальные данные не говорят о сколь-нибудь заметном шерстоткацком производстве у местного населения в указанное время. Здесь издавна производились паласы, которые изначально были весьма примитивными и применялись как подстилки во время первоначальной валки бурок. О роли бурочного производства в экономике андийцев можно судить и по наблюдениям Ивана Загурского, дважды побывавшего в Анди, будучи в плену: «До 1839 года андийцы отличались от прочих горцев видимой зажиточностью, благодаря обширному скотоводству и торговле бурками, славившимися, можно сказать, на всем Кавказе...» [19, с. 229].

«Для многих населенных пунктов Дагестана и в первую очередь для таких, как Кубачи, Амузги, Харбук, Сулевкент, Балхар, Анди, кустарные промыслы были не подспорьем, а основным занятием и источником существования населения», – отмечает И. Р. Нахшунов [29, с. 83].

Основные центры изготовления войлока и бурок в Дагестане, селения андийцев, входили в состав Андийского и Технудальского союзов сельских общин. Зависимость их от хунзахских ханов была больше номинальной, чем фактической, и проявлялась, в частности, в эпизодических (непостоянных) поставках ханскому дому какого-то числа бурочных изделий [1, с. 145].

Упоминания о бурках и одежде из войлока в Дагестане встречаются в работах исследователей XVII века А. Олеария [36, с. 494], Я. Стрейса [42, с. 220], данные о развитии бурочного производства и широкой торговле бурками можно найти в работах авторов XIX века А. И. Ахвердова, Ф. И. Гене, Р. Ф. Розена [16, с. 226, 290, 345].

Различные сведения о производстве бурок и их сбыте находятся в документах и переписке Кавказской археографической комиссии [8, с. 522-523]. Об обычаях дарить гостю бурку писал тот же Адам Олеарий: «Шемхал (эндреевский владетель Махмуд)... явился в шелковом кафтане из зеленого “даром”, с броней, над которой был надет мохнатый черный войлочный плащ; у него были сабля, лук и стрелы, как и у всех других» [11, с. 76]. При расставании шемхал встал, «...немедленно же накинул плащ и в свою очередь подарил послу Брюггемену свой войлочный плащ, накинул на него и был очень весел и радостен» [Там же, с. 127]. «О времени возникновения бурочного производства судить еще трудно, – пишет М. А. Агларов. – Производство бурок по технике гораздо проще сукна и поэтому древнее» [2, с. 126].

Таким образом, согласно сохранившимся источникам, изготовление бурок в Аварии – занятие очень древнее, известное еще с античных времен. Если войлок раньше, в первую очередь, удовлетворял запросы и нужды самих производителей, то позднее войлочные изделия становятся предметом обмена, а впоследствии и торговли. Спрос в торговле на войлочные изделия приводит к спросу на покупку шерсти – исходного материала для войлочно-бурочного производства, теперь шерсть оценивается как главный результат разведения овец (особенно андийской породы), хотя мясо, курдюк, овчина продолжают оставаться основными видами продукции в хозяйстве.

Интенсивное развитие традиционного ремесла в XIX – начале XX века приводит к усилению регионального разделения труда. Так, сукна в основном производились в Казикумухском, Даргинском округах, ковры – в Кюринском, металлические изделия – в Казикумухском и Кайтаго-Табасаранском, керамика – в Балхаре, Сулевкенте, Джули, Испике. Бурки для рынка производил главным образом Андийский округ [9, с. 65].

Архивные и литературные данные позволяют определить роль торговых связей аварцев и внутри Дагестана, и за его пределами. Торговля способствовала, в частности, заимствованию новых элементов материальной культуры, в том числе и в области одежды.

В начале XIX века торговля в Аварии носила меновой характер. Жители гор активно занимались торговыми делами и товарообменом на плоскости. К горцам приезжали плоскостные купцы, а сами горцы выезжали с товаром, как внутри и так за пределы Дагестана. Аварцы развивали торговые связи с соседями в Закавказье, что играло огромную роль в их экономике. В 1801 г. Россия установила торгово-экономическую блокаду горного края. Жители Западного Дагестана, имевшие древние торговые связи с Грузией, неоднократно обращались к царским наместникам за разрешением спускаться в Кахетию для торга [7, с. 614]. Переговоры с царским командованием иногда приводили к положительным результатам, что вело к оживлению торговых отношений между горцами и Грузией. Однако с началом освободительной борьбы горцев против царизма торговые связи с Закавказьем и плоскостью были опять искусственно прерваны. Все торговые взаимоотношения находились под жестким контролем царских войск [6, с. 599-601]. Тем не менее, несмотря на запреты, жители Западного Дагестана просачивались со своим товаром в Грузию и другие страны Закавказья. После окончательного покорения Дагестана эти связи вновь были восстановлены. Во второй половине XIX века происходит рост развития торговых отношений горцев Дагестана с Закавказьем, Северным Кавказом, с Россией и через ее посредство – с другими странами.

Экономическая блокада сказалась, разумеется, и на вывозе бурок. Так, если в 1812 г. в перечне товаров, прибывавших в г. Кизляр, фигурируют 405 бурок, то среди товаров, зарегистрированных в Амир-Аджи-Юртовском меновом дворе в 1844 г., упоминается только 61 бурка [23, с. 129].

В XIX веке на Кавказе и далеко за его пределами огромным спросом пользовались андийские наплечные бурки. К этому времени, богатому бурными военными событиями, производство бурок окончательно приобретает характер одного из самых специализированных видов промыслов.

Выделка наплечных бурок в Аварии имела повсеместное распространение, но главными ведущими центрами производства их были селения Анди, Гунха, Гагатль, Ансалта, Рахата, Риквани, Ашали, Шодрода. Более других славилась бурки андийских селений. Они делались из высококачественной шерсти с особым блеском и длинным ворсом (прочие бурки дагестанского производства были безворсовыми). Необходимое сырье давала выведенная здесь особая андийская порода овец.

О масштабах производства бурок в Андийском округе и их качестве в начале XX века писал в своей работе А. С. Пиралов: «В Андийском округе Дагестанской области бурочный промысел отличается наиболее крупными размерами производства в крае. Среднее годовое производство бурок по селениям – 35200 штук, стоимостью от 5 до 9 руб. за штуку. Некоторая часть андийских бурок отличается особою длиною ворса, которого не имеют ни кабардинские, ни чеченские бурки» [37, с. 56].

В XIX веке бурки продавались на всех узловых, многолюдных базарах Дагестанской области. О значительности развития бурочного производства и значении торговли бурками для андийцев можно, в частности, судить по документу «Отношение графа Кангерина к барону Розену» от 29 августа 1833 г.: «Астраханская таможня представляет, что командующий Сунженской линией ген.-м. Горихвостов, получив сведения, что жители Кизляра не только передают товары в Андию, нам непокорную, но и получают из оной взамен бурки – что крайне вредит спокойствию линий, ибо если непокорные нам горские народы будут получать все им нужное и беспрепятственно сбывать свои изделия и избытки, то не будет настоять им надобности и покоряться нам, – предложил Кизлярскому окружному совету для большей пользы и спокойствия жителей линии не допускать вести торговлю с непокорными народами, а особенно покупать или менять из Андии бурки, которые единственно только и составляют главную отрасль их промышленности» [28, д. 67, л. 4].

Серьезным стимулом для развития бурочного промысла в селениях Андийского и Технучальского обществ было также расположение их на торгово-экономических путях, связывавших Западный Дагестан с Чечней, Грузией и Кумыкской равниной, где бурки находили широкий сбыт.

Одним из оживленных торговых центров на территории Нагорного Дагестана было сел. Анди. «В Анди ежегодно выделялось до 8 тысяч бурок, – писал Н. Дубровин. – Сюда съезжались торговцы, которые, закупая андийские бурки, отправляли их на линию в Тифлис, а андийцы взамен их получали красный товар, оружие, железо, соль и кукурузу» [13, с. 500]. «Изделия жителей Западного Дагестана, – писал М. А. Коцебу, – состоят в толстых сукнах и бурках, за которые выменивают соль и прочее» [16, с. 261].

Огромным спросом в начале XIX века бурки пользовались в торговых центрах сел. Эндери, Аракани, Чох, Согратль, Казикумух, Ахты, в городах Дербент, Кизляр и др. Город Дербент был крупным торгово-экономическим центром на Кавказе. Сюда съезжались со своим товаром торговцы из всех соседних областей – Нухи, Шемахи, Баку, Грузии и др. Горцы привозили сукно, бурки, ковры, паласы, оружие, простой табак, тулупы овчинные, войлок, масло, мед и прочее из различных торгово-ремесленных центров Дагестана – Кубачей, Кумуха, Анди, Ахты и др. В ведомости Дербентской таможенной заставы за 1813 г. имеются данные о вывозе из Дагестана большого количества бурок, овчин, шафрана, паласов, тулупов и других товаров [47, д. 4, л. 144-146].

Для всего Кавказа и Закавказья в первой половине XIX века крупным торговым центром был город Кизляр. В документе, составленном в 1842 г., есть данные о видах товаров, привезенных в город горцами: «...кошмы с войлоком – 140, платьев шерстяных – 23, черкесок суконных – 762, сукна – 1398, чукьяк – 288 пар, бурок – 486, шуб овчинных – 1128, шапок – 453». В ведомостях почти всех Кизлярских застав значатся перевозимые горские товары. Так, например, «через Червленную карантинную заставу в те же годы проходит: сукна – 338 концов, черкесов – 448, шапок – 3 штуки, бурок – 175 и т.д.» [45, с. 97].

Большое торговое значение для аварцев имело лезгинское селение Ахты, являвшееся основным транзитным пунктом на юге Дагестана. Через него в города Азербайджана проезжали андийцы с бурками, кубачинцы с кинжалами и ружьями, цудахарцы со знаменитыми сукнами. «В 1827 г. из Дагестана было привезено в Шекинскую провинцию бурок, войлоков, сукон, ружей, пистолетов, кинжалов, пороха, свинца, меди, шерсти на 100 тыс. руб. серебром, а вывезено в Дагестан товара на 150 тыс. руб.» [39, с. 195]. Важную роль в торговле горцев, а в особенности соседних аварских обществ, играла Засулакская Кумыкия. Как свидетельствует А. М. Буцковский, эта территория «с обществами Анди и Ботлук... в добром отношении и торг имеют» [16, с. 246].

Жители обществ Антль-Ратль из шерсти делали грубые сукна, войлоки, иногда – бурки, ковры. «Излишки они выменивали в прежнее время в Кахетии и Джарской области на разные мелочные товары, а также на соль и железо, но более значительное количество обменивали в Аварии и Казикумухе на пшеницу и соль» [17, с. 260]. По нашим полевым данным, ансалтинцы, рахатинцы покупали и выменивали у чеченцев корм для скота, продукты животноводства, шерсть для производства бурок, а продавали им бурки, фрукты, мед. По рассказам аварцев Гергебиля, они покупали бурки у соседей-даргинцев на базаре по воскресеньям в сел. Левашы, а аварцы Салатавии (Казбековский район) заказывали их у андийских мастеров, приезжавших из Анди для торговли в г. Темир-Хан-Шуру.

Итак, в XIX веке бурочный промысел Аварии процветал, и бурки пользовались огромным спросом как внутри Дагестана, так и за его пределами. Торговля с Грузией, как уже отмечалось, имела для Аварии исключительно важное значение. «Аварцы, – говорится в документе, – без сношения с нашими владениями (с Закавказьем, Грузией – Р. С.), откуда они получают хлеб, соль и вообще все первые потребности жизни, существовать не могут» [8, с. 510].

В Анди производство бурок процветало даже в условиях жесткой экономической блокады. В 1840 г. ген. Г. М. Пулло сообщает ген.-адъютанту Граббе: «Главный пристав нагорных обществ штабс-капитан Муртузали Аджиев доносит мне, что два еврея и четыре казикумухца с дозволения будто-бы Ахмед-хана Мехтулинского закупили в одном только сел. Анди более 50 тыс. бурок и намерены с оными отправиться в Тифлис» [12, с. 38].

В Грузию «вывозили в весьма большом количестве сукно разных доброт..., большей частью темных цветов, на одежду всех обитателей Грузии; шерстяные бурки в таком же количестве, оружие всякого рода в серебряной оправе с позолотой и без оной, попоны шерстяные для лошадей и покрывала для выюков; шкуры куньи и лисьи, воск и шелк сырец» [47, д. 4, л. 144-146].

Андийцы делают бурки, «каковых лучше здешних в Азии нигде не делают и которые продают от 10 до 15-25 руб., – писал А. И. Ахвердов. – Большой частью их вывозят в Персию через город Дербент, частью в Грузию и другие соседственные им места» [16, с. 226]. Доставить товар в Тифлис было нелегко, на пути караванам встречалось много опасностей: обвалы, узкие дороги, хищные звери. Иногда на караваны нападали разбойники, которых было особенно много на грузинско-дагестанской границе. Общение жителей Западного Дагестана и грузинского населения осуществлялось в основном по Кодорскому и Вантлашетскому перевалам. В документе от 4 декабря 1801 г. фиксируется, что «в Гавазе были убиты 10 человек лезгин, с ними было 17 лошадей, бурок 34, шароваров суконных – 364, шалей – 40...» [25, с. 38]. Поэтому караваны сопровождали испытанные в трудностях опытные и смелые люди.

Горцы освобождались от пошлин за товар, привезенный в Грузию [27, с. 305]: это лишнее свидетельство добрососедских отношений между жителями Западного Дагестана и Грузией и взаимовыгодности торговых отношений. От привозимых горцами товаров – бурок и сукна – грузинская казна получала доход в 3000 рублей серебром ежегодно. О постоянной торговле с Грузией свидетельствуют письма, доносы, просьбы жителей Западного Дагестана соответствующим властям на разрешение торговли и пропуск торговых караванов

в Грузию. Так, в своем доносе ген. Ковалевский писал, что общества Западного Дагестана просят позволения производить торговлю с Грузией [3, с. 288].

В 1812 г. с просьбой разрешить ездить в Грузию по торговым делам к властям обратилось Ансалтинское общество. Главноначальствующий на Кавказе Н. Ф. Ртищев удовлетворил их просьбу и сообщил, что предоставит им «всевозможные выгоды наравне с теми, каковыми пользуются... российские подданные» [8, с. 613-614]. К князю Цицианову обращался и аварский хан относительно разрешения западно-дагестанскому населению ездить в Грузию для торговли [4, с. 767-768]. В предписании генерала Тормасова сказано о выдаче 97 лезгинам билетов для торговли в Тифлисе бурками [6, с. 601].

В ноябре 1819 г. был задержан караван, следовавший из Дагестана в Грузию через Дидо. При описи было обнаружено: лошадей – 124, бурок – 2990 на 7652 руб., ружей – 8, пистолетов – 9, много лезгинского сукна черного и белого цветов [3, с. 288]. В следующем месяце был также задержан еще один караван в составе 12 человек, с 21 лошадей и 505 бурками [24, с. 240].

Согласно полевым материалам, Шамиль во время Кавказской войны скупал у населения большие партии бурок и вырученные от их реализации средства расходовал на приобретение оружия и продовольствия для своего воинства.

Зная о жизненной необходимости для горцев Дагестана торгово-экономических отношений с плоскостным населением, кн. Орбелиани в целях усмирения непокорных горцев запретил им торговать с населением плоскости и перегонять туда свой скот. Жителям же равнинной части Дагестана была запрещена продажа хлеба горцам [Там же]. Однако, вопреки строгим мерам блокады, горцы в обход запретов, тайком провозили обменный товар и чаще всего именно бурки в самые отделанные от них районы Дагестана.

Для торговли бурками аварцы ездили и в Россию. В 1809 г. общества Аварии – Согратль, Маали, Шодрода, Ботлих, Анди и другие, – признав себя подданными России, просили разрешение на торговлю в Грузии и в различных районах России [5, с. 760]. По сведениям за июнь 1821 г. среди едущих в города России для торговли были акушинцы и аварцы [3, с. 288]. В Россию везли бурки, местные «шали», фрукты, дорожное оружие и вывозили в основном предметы фабрично-заводского производства.

Князь Воронцов всегда выступал за расширение торговых связей с горцами. Он сообщал, что «от горцев Кавказа на обмен и продажу в меновые двory поступили: лес, мед, воск, бурки, войлоки, самодельные сукна, конские уборы, серебряные мелкие изделия, овчина» [46, с. 96].

Таким образом, сложившиеся с древних времен торгово-экономические связи аварцев с другими народами Дагестана и Закавказья продолжались и в XIX веке. О значении и развитости торговых отношений говорит и тот факт, что даже в условиях экономической блокады из Дагестана беспрестанно следовали торговые караваны.

До второй половины XIX века торговые отношения между народами Кавказа сводились преимущественно к натуральному обмену продуктами и изделиями. Начиная со второй половины XIX века, с оживлением экономики развиваются товарно-денежные отношения, что привело к развитию уже более оживленной внутренней торговли. Наиболее крупными местными рынками являлись Хунзах, Гуниб, Согратль, Чох, Унцукуль, Гергебиль, Анди, Ботлих и др. На рынках Аварии можно было встретить товары даргинских, кумыкских, ногайских, чеченских, кумыкских и других обществ. Из предметов одежды здесь покупали и продавали андийские бурки, овчинные шубы, женские украшения – изделия согратлинских, чохских, гидатлинских и кубачинских матерей, вязаную обувь и носки из Анцухо-Капуча, знаменитые келебские и каратинские сукна и др. Помимо этого, аварцы сами бывали в торговых центрах лакцев, даргинцев, кумыков, а также в Темир-Хан-Шуре – торговом центре на севере Дагестана.

С торговыми делами аварцы выезжали и за пределы Дагестана – в Россию, Азербайджан, Грузию, Чечню и другие земли Северного Кавказа. По литературным данным, со второй половины XIX века они торговали здесь андийскими бурками, сукном, овчиной, ювелирными украшениями, а для себя покупали здесь соль, различные промышленные товары – шелковые и бумажные ткани, женские платки, пуговицы, тесьму и другое.

Во второй половине XIX – начале XX века происходит подъем дагестанского ремесла. Это и понятно: оживление экономики Дагестана в данный период означало усиление торговых связей с Северным Кавказом, Закавказьем, Россией в целом. Рынок для мелкотоварной дагестанской промышленности намного расширился. Так, «в 1870 г. бурок и других войлочных изделий из Дагестана вывезено в общей сложности 40 тыс. единиц, в 1875 г. – 45600 единиц, в 1889 г. – 61300 единиц. Те же показатели на 1830 г. составляли 7800 единиц» [45, с. 97].

Войлочное производство, и прежде всего производство бурок, как и другие виды ремесла (ковровое дело, например), не испытывало конкуренции, не потеряло уровня спроса и поэтому расширялось, в отличие от других народных ремесел (оружейное, суконное, медно-колчеданное и др.), в которых заметно снижались темпы производства.

В развитии товарного производства большую роль сыграли посредники-скупщики. Появившись еще в период развитого Средневековья, прослойка профессиональных скупщиков-торговцев значительно увеличивается численно и активизируется по объему производимых операций с развитием в XIX веке товарно-денежных отношений. Все это приводит к складыванию элементов крупной торговли. Разбогатевшие мастера скупают готовую продукцию у своих односельчан, в соседних и дальних селениях, либо берут ту же продукцию на реализацию. Так, в конце XIX века купец второй гильдии из Кумуха вел большую торговлю, закупая по всему горному Дагестану шерстяные изделия, в том числе и бурки, и реализуя их в крупных торговых центрах, вплоть до Петербурга. Белые андийские бурки и черкески из белого сукна были для этого купца основным товаром. Имеются сведения о кумухском богаче Къчал Али, имевшем в Анди мастерскую по изготовлению

андийских бурок. Для сбыта андийских бурок лакец Кажлаев Давуд организовал в г. Тифлисе торговое товарищество [30, с. 53]. В 90-х гг. XIX века известным скупщиком андийских бурок был Нурмагомед-Хаджи, тоже имевший свои небольшие мастерские, в которых за определенную плату работали мастерицы [22, с. 78]. «Скупщики торговли сами закупали шерсть, раздавали ее для крашения, а затем в домах близких родственников открывали мастерские для изготовления бурок», – писал А. Д. Магомедов [23, с. 113].

Итак, развитие торговых и товарно-денежных отношений привело к значительной активизации во второй половине XIX века специальной прослойки профессиональных торговцев-базарганов, занимавшихся оптовыми закупками и перепродажей огромных партий различных изделий. Иначе говоря, экономика Дагестана постепенно втягивалась в сферу капиталистических отношений.

«Новые производственные отношения в Дагестане, – отмечает в частности О. В. Маргграф, – ярко иллюстрируются появлением рассеянной мануфактуры с раздачей мастерам сырья или полуфабрикатов. Организатором производства часто выступает разбогатевший мастер-односельчанин или торговец-скупщик. Уже с конца 70-х гг. торговцы практикуют товарный обмен шерсти на готовые бурки в соотношении шерсть на две бурки взамен одной готовой» [26, с. 134].

Кустари-бурочники выделяли из своей среды наиболее опытных и предприимчивых людей и поручали им продажу своих бурок, за что платили за каждую проданную бурку условное вознаграждение.

«Реализация бурок по существу стала монополией немногих скупщиков, – отмечает Х. Х. Рамазанов. – По словам Н. Дубровина, ежегодно съезжались туда торговцы, которые, закупая гуртом андийские бурки, отправляли их войскам и в Тифлис. В бурочном производстве Андийского округа была развита кооперация, наметился процесс превращения мелкотоварного производства в рассеянную мануфактуру, хотя этот процесс не достиг сколько-нибудь значительного размаха» [38, с. 24].

Позднее те, которые специализировались на торговле бурками, стали сами заниматься скупкой бурок в целях извлечения прибыли. Иначе шло заметное пополнение группы людей, которая занималась исключительно скупкой и продажей бурок. Как правило, они же были заняты и закупкой больших партий шерсти почти во всех аварских селениях, а также нанимали мастериц для изготовления бурок по довольно низким расценкам. Скупщиками-торговцами часто были жители селений обществ Анди и Технуцала. Ими могли оказаться также грузины, чеченцы, иногда армяне. В конце XIX века крупным скупщиком бурок в Ботлихе был лакец Кохлаев [Там же, с. 118]. «Сбыт товаров организован следующим образом, – отмечает О. В. Маргграф, – по аулам разъезжают скупщики, которые, закупив партию, везут ее в более крупные торговые центры: города Владикавказ, Екатеринодар, Темир-Хан-Шура, Нуха, Баку, Тифлис... Дагестанцы-кустари из самих мест производства часто собираются караванами и везут свой товар в центры, минуя местных скупщиков и местные ярмарки» [Цит. по: 21, с. 77]. О. В. Маргграф прямо указывает, что часть бурочниц Андийского округа работала исключительно на сырье заказчика [26, с. 38]. Заказчиком же являлся преимущественно не потребитель, а посредник, занимавшийся только сбытом и снабжением кустарей необходимыми материалами. «Сбыт шерстяных, суконных, войлочных изделий и ковров находится в руках перекупщиков и барышников», – отмечал в 1900 г. и С. Икаев [15, с. 28].

Производством бурок занимались женщины и в основном в свободное от сельскохозяйственных работ время. Каждая женщина готовила шерсть (мытьё, расческа и крашение) в одиночку, а обкатку бурки производили вдвоем или вчетвером, в порядке взаимопомощи. С конца XIX века в бурочном производстве используется наемная рабочая сила. Бедные крестьянские хозяйства, не имея других средств существования, вынуждены были брать у зажиточных хозяев шерсть для обработки: они сортировали ее, расчесывали, взбивали лучком и т.д. За такую работу заказчик обычно расплачивался небольшим количеством шерсти или какими-либо продуктами. «Женщины из бедных семейств, – писал Н. Грабовский о кабардинцах еще в 1870 г., – берут работу с половины» [40, с. 11]. Мастерицы изготавливали бурки из шерсти богатого овцевода, отдавая ему половину готовых изделий. Среди бурочниц были и такие, которые брали шерсть у 2-3-х человек. Им приходилось работать днем и ночью, чтобы успеть закончить работу к базарному дню или к приезду скупщика. Бедняки, работающие на состоятельного хозяина, могли производить в месяц не более 1-2-х бурок. Иногда бедняки сами реализовывали свою готовую продукцию, не отдавая ее скупщикам. По нашим полевым материалам, мужчины из сел. Рахата на своих лошадях, мулах или ослах вывозили бурки представителя имущей верхушки в Грузию через заснеженные перевалы, по узким горным тропинкам. На лошадь обычно грузили кладь из 30-40 бурок хозяина, из которых 1-2 принадлежали самому бедняку. Именно таким образом многие бедняки обеспечивали семье прожиточный минимум.

Обработка шерсти «за половину» приобрела широкий охват к концу XIX века. По полевым данным, в селении Ансалта и других селениях скупщики закупали шерсть и раздавали ее женщинам для чистки и крашения. Затем в нескольких домах своих близких и родственников они открывали мастерские по производству бурок из этой шерсти.

Таким образом, мы имеем перед собой один из примитивных образцов рассеянной мануфактуры, что дает нам дополнительное основание говорить о проникновении в экономику края элементов капиталистических отношений.

Рост производства войлока, бурок, а также сукна и ковров резко поднял потребность в шерсти. За 1911 г., например, только через Петровский порт в Дагестан поступило 106 тыс. пудов шерсти [37, с. 58].

С. Ш. Гаджиева писала, что владельцы торговых лавок и торговцы на местах «продавали кустарям привезенную из других мест – Закавказья, Астрахани, Темир-Хан-Шуры, Кизляра, многих обществ Аварии – высококачественную шерсть» [10, с. 11].

Средняя стоимость материалов «для одной бурки равнялась 3 р. 35 коп., а средняя продажная цена – 5 р. 50 коп.; дневной заработок кустарей определялся в 22-28 коп.» [37, с. 55]. По подсчетам И. Р. Нахшунова, «годовой заработок валяльщицы в Андийском округе на 1893 г. – самый низкий из перечисленных категорий ремесленников округа – 7 руб. 50 коп.» [29, с. 100].

Валовой доход бурочницы составлял 74 руб. в год, а за вычетом стоимости материалов – 28 руб. Бурочницы работали 180-200 дней в году, и, таким образом, дневной заработок их составлял от 14 до 15,5 коп. в день. [Там же]. Весьма существенная здесь разница в определении годового заработка мастерицы определяется, возможно, тем, что во втором случае не были учтены расходы бурочницы, связанные с реализацией готовой продукции и, в частности, с активизацией деятельности скупщиков-оптовиков. Более точные данные вывести, наверное, затруднительно, так как пункты производства кустарных изделий были разбросаны по значительной территории, а район их сбыта весьма обширен; кроме того, значительная часть изделий обменивалась на месте или за пределами области на хлеб и другие товары [32, с. 27].

Подобные мастерские были организованы в селениях Анди, Гагатль, Рахата, Шодрода. В основном мастерские были открыты в селениях Андийского и Технуцальского обществ, где бурочный промысел имел наибольшее развитие. От торговли бурками в Дагестане и за его пределами скупщики имели значительные доходы и богатели, но бывало, что и разорялись: поездки в дальние края, как уже отмечалось, были связаны с риском нападения грабителей или конфискации всего товара в той стране, куда он доставлялся.

По полевым данным, собранным в селении Ансалта, когда скупщик разорялся и превращался в несостоятельного должника, об этом объявляли всем жителям селения на годекане. Те, кому разорившийся скупщик был должен, приходили в его дом и распределяли его имущество; сам должник навсегда покидал селение со своим семейством в поисках другого места жительства.

Закупив партию бурок, скупщики везли их в более крупные торговые центры: города Владикавказ, Екатеринодар, Темир-Хан-Шуру, Нуху, Баку, Тифлис [26, с. 38]. Для района расселения андийцев ближайшими рынками были Хасавюрт, Аксай, Кизляр, Казикумух, Темир-Хан-Шура, Куба, Нуха, Баку, Тифлис [Там же]. В официальных документах конца XIX века неоднократно отмечалось, что бурки, изготовленные в селениях Андийского и Технуцальского обществ, «в значительном количестве вывозятся за пределы области» [18, с. 159].

Неуклонно росло число крестьянских хозяйств, специализировавшихся на производстве бурок. В 70-х гг. в Андийском округе, в сел. Гагатль, Риквани, Анди, Ботлих, Ансалта, Шодрода, Инхо, ежегодно производилось до 8 тыс. бурок, в 1882 г. – 20 тыс., в 1892 г. – 53,5 тыс. В 1886 г. в сел. Инхо в бурочном производстве были заняты 82 женщины. В сел. Гагатль из 366 домов в 55 занимались изготовлением бурок 59 женщин [48, с. 59].

Для второй половины XIX – начала XX века в общем характерны значительное производство бурок и большая доходность от торговли ими. По данным начальника Андийского округа, в 1892 г. вывезено из округа на продажу 53511 бурок со средней стоимостью за каждую бурку по 6 руб. Валовой доход от продажи равнялся 321066 руб. Только за три года – 1892, 1893 и 1894 – из Андийского округа вывезено 74762 бурки, всего на 448572 руб. [31, с. 44-45]. В одних только селениях Анди и Гагатль производство бурок исчислялось в 1800 штуках на 4000 руб. Средняя сумма за ежегодно вывозимые из Андийского округа бурки равнялась 50 тыс. руб. [20, с. 94]. Здесь речь идет о ходовых бурках, бурки же высшего качества продавались по 50 руб. и дороже [37, с. 55].

В обзорах кустарных промыслов России отмечается, что бурки среднего достоинства продаются на месте по 5-6 руб., высшего сорта изделия доходят до 50-60 руб. (в особенности белого цвета). Заработок закавказского кустаря, производящего бурки, определяется в среднем до 25 коп. в день [35, с. 56].

По материалам I съезда деятелей кустарной промышленности на Кавказе (1902 г.) жители Анди и Технуцал отмечают значительным производством бурок. Собственно андийцы производили 30800 штук, ботлихцы – 800, тиндалы – 80, тасуда-шодродинцы – 800 штук [21, с. 77]. «Тиндалы» – это, видимо, тандовцы, жители сел. Тандо нынешнего Ботлихского района, ибо собственно тиндинцы бурочным производством никогда не занимались.

К концу XIX века производство бурок заметно сократилось, о чем свидетельствуют и приведенные выше цифровые данные Е. И. Козубского. В этом сыграли свою роль и ориентация административных властей на вывоз из Дагестана не столько готовой продукции, сколько сырья, и снижение спроса на бурки с окончанием Кавказской войны, и прекращение военных действий, и возможность более широкого выбора предметов одежды с массовым поступлением на рынки Дагестана сравнительно дешевой фабричной продукции, и др. Все большее сокращение объема производства бурок отмечает и проф. Х. Х. Рамазанов: с 1892 по 1893 гг. вывоз бурок из Дагестана сократился, по его подсчетам, в пять раз [38, с. 118].

В начале XX века происходит частичное вытеснение бурочного промысла привозными фабричными изделиями. Но оно происходило очень медленно и было относительным. С другой стороны, растет число крестьянских хозяйств, занимающихся бурочным ремеслом. С развитием товарно-денежных отношений мы видим и новое явление – это активное участие денег в бурочном производстве.

Говоря о бурочном производстве, И. Р. Нахшунов отводит ему не последнее место среди промыслов Дагестана (в перечислении автора суконный, ковровый, металлообрабатывающий, трикотажный, бурочный, овчинно-шубный, кожевенный, сапожный, деревообрабатывающий и гончарный). По его подсчетам, на 1915 г. в бурочном производстве в Дагестане было занято 5 тыс. человек, т.е. 3,6% от числа всех ремесленников, которые вырабатывали продукцию на 600 тыс. руб. в год, что составляло 9,4% общей выручки от ремесленной продукции [29, с. 84].

В начале XX века был принят ряд мер для содействия развитию кустарных промыслов Дагестана. Стали организовываться учебно-показательные мастерские, открывались склады материалов и усовершенствованных орудий и инструментов для продажи населению и др. [33, с. 41, 45].

В 1912 г. в Темир-Хан-Шуре состоялось открытие Дагестанского музея кустарной промышленности им. штаб-лекаря И. С. Костемеровского, организованного на завещанные им средства. Перед музеем были поставлены следующие задачи: собирание образцов кустарных изделий, ознакомление населения с усовершенствованными способами производства, снабжение кустарей приборами, инструментами, сырьем и материалами повышенного качества, а также посредничество между кустарями и потребителями [34, с. 65-66]. Ко дню открытия музей имел до 300 экспонатов, в том числе и коллекцию бурок.

Итак, бурочное производство, игравшее заметную роль в экономике, все больше втягивается в рыночные отношения. Торговля бурками в XIX – начале XX века имела огромное значение для горцев, так как это поддерживало их прожиточный минимум. До первых десятилетий XX века бурочный промысел процветал, хотя и переживал периоды спада производства, и имел постоянный сбыт на внутреннем и внешнем рынках. Появление и активизация здесь базарганов и скупщиков, специализация отдельных лиц на перевозках и реализации «чужого» товара (бурок), рост числа небольших предприятий отдельного типа, появление примитивных форм рассеянной мануфактуры в бурочном производстве, наем рабочей силы – все это в совокупности и многое другое явно свидетельствовало о медленном, но неуклонном утверждении новых производственных и социальных отношений.

Бурочное производство не только укрепляло экономику горцев, но и способствовало имущественному расслоению, появлению частных артелей, класса предпринимателей, своего рода местных «буржуа», обладавших не только состояниями в виде скота и земель, но и товарно-денежными накоплениями.

Список литературы

1. **Агларов М. А.** Андийцы: историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала, 2002. 304 с.
2. **Агларов М. А.** Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988. 237 с.
3. **Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК).** Тифлис, 1866. Т. 1. 816 с.
4. **АКАК.** Тифлис, 1868. Т. 2. 1938 с.
5. **АКАК.** Тифлис, 1869. Т. 3. 760 с.
6. **АКАК.** Тифлис, 1872. Т. 4. 1011 с.
7. **АКАК.** Тифлис, 1873. Т. 5. 1170 с.
8. **АКАК.** Тифлис, 1878. Т. 7. 994 с.
9. **Арсланбеков Б. М.** Проникновение капиталистических отношений в кустарное производство Дагестана в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1976. Вып. 7. С. 53-73.
10. **Гаджиева С. Ш.** Одежда народов Дагестана. XIX – начало XX в. М., 1981. 151 с.
11. **Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв.** Махачкала, 1992. 303 с.
12. **Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в.:** сборник документов. Махачкала, 1959. 785 с.
13. **Дубровин Н. Ф.** История войны и владычества русских на Кавказе. Тифлис, 1871. Т. 1. Кн. 1. 640 с.
14. **Ельницкий Л. А.** Знания о северных странах. М., 1961. 244 с.
15. **Икаев С.** Кустарные промыслы в Дагестане // Кавказское сельское хозяйство. Тифлис, 1900. № 35. С. 23-32.
16. **История, география и этнография Дагестана XIX-XX вв.** М., 1958. 371 с.
17. **Кавказский календарь на 1859 г.** Тифлис, 1858. 552 с.
18. **Кавказский календарь на 1893 г.** Тифлис, 1892. 200 с.
19. **Кавказский сборник.** Тифлис, 1898. Т. 19. 463 с.
20. **Козубский Е. И.** Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. Вып. 1. 128 с.
21. **Козубский Е. И.** Очерк кустарной промышленности Дагестанской области // Труды I съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в г. Тифлисе. Тифлис, 1902. С. 75-79.
22. **Козубский Е. И.** Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. 136 с.
23. **Магомедов А. Дж.** Традиционное художественное ремесло Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала, 1999. 205 с.
24. **Магомедов Д. М.** Занятия населения Дидо в XVIII-XIX вв. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. Вып. 3. С. 231-246.
25. **Магомедов Д. М.** Из истории экономических и политических взаимоотношений народов Западного Дагестана с Грузией // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 25-40.
26. **Маргграф О. В.** Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. 289 с.
27. **Материалы по истории Грузии и Кавказа.** Тбилиси, 1937. Т. 4. 398 с.
28. **Научный архив Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.** Ф. 1. Оп. 1.
29. **Нахшунов И. Р.** Экономические последствия присоединения Дагестана к России (дооктябрьский период). Махачкала, 1956. 157 с.
30. **Обзор Дагестанской области за 1830 г.** Темир-Хан-Шура, 1831. 77 с.
31. **Обзор Дагестанской области за 1892 г.** Темир-Хан-Шура, 1893. 84 с.
32. **Обзор Дагестанской области за 1905 г.** Темир-Хан-Шура, 1906. 76 с.
33. **Обзор Дагестанской области за 1908 г.** Темир-Хан-Шура, 1909. 86 с.
34. **Обзор Дагестанской области за 1912 г.** Темир-Хан-Шура, 1913. 98 с.
35. **Обзор кустарных промыслов России.** Б.м., 1902. 151 с.
36. **Олеарий А.** Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 578 с.
37. **Пиралов А. С.** Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа // Весь Кавказ. Баку, 1914. С. 50-59.
38. **Рамазанов Х. Х.** Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период (1861-1900 гг.). Махачкала, 1972. 204 с.

39. Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. 278 с.
40. Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Тифлис, 1870. Вып. 3. 165 с.
41. ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. 5. 128 с.
42. Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935. 415 с.
43. Студенечкая Е. Н. Узорные войлоки Кавказа // Советская этнография. 1979. № 1. С. 101-108.
44. Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М., 1959. 392 с.
45. Хашаев Х.-М. О. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959. 112 с.
46. Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. 262 с.
47. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 20. Оп. 1.
48. Шиллинг Е. М. Дагестанская экспедиция 1946 г. // Краткие сообщения Института этнографии. 1948. Вып. 4. С. 56-61.

FELT AND FELT CLOAK PRODUCTION ROLE IN DAGESTAN ECONOMY

Izudinova Raisat Saidovna, Ph. D. in History
North-Caucasian Institute (Branch) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation
aytberov@list.ru

The article is devoted to studying the role of felt and felt cloak production in Dagestan economy in different periods of its historical development. The peculiarities of felt and felt cloak production in the commercial intercourse of the region are considered. The author traces the process of transforming this production into a specialized kind of trade, of handicraft centers and scattered manufactory origin with capitalistic relations penetration in Dagestan. Special attention is paid to the production of famous Andi felt cloaks known far beyond Dagestan.

Key words and phrases: Dagestan; felt and felt cloak production; Andi felt cloak; handicraftsmen – felt cloak producers; buyers-up; felt cloak trade; commerce.

УДК 101.1:316

Философские науки

В статье рассмотрена трансформация религиозных регуляторов современной социальной нормы в условиях внедрения биотехнологий. Проводится теоретический анализ нивелирования религиозных заповедей западных религий под влиянием прогресса генетики и биомедицины. Автор выражает опасение, что при подобном пути эволюции общества предыдущий многовековой опыт развития религиозной морали может полностью утратить свое значение и перестать выполнять регулирующую функцию. Решением данной проблемы является максимальное обеспечение преемственности поколений, дающее возможность перенимать новому поколению культурные традиции народа.

Ключевые слова и фразы: социальная норма; религиозный регулятор; генетика; религия; биотехнология.

Камалиева Ирина Ринатовна, к. филос. н.
Челябинский государственный университет
irina.kamaliyeva@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ НОРМЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВНЕДРЕНИЯ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Цивилизационный кризис последних десятилетий, возникновение агрессивных ортодоксальных религиозных течений заставляют по-новому взглянуть на возможное будущее человечества. Одновременно с кризисными проявлениями в обществе усиливается кризис идентичности личности в современном социуме. Привычные ценности ставятся под сомнение, чему также способствует прогресс информационных и биомедицинских технологий.

Религиозные регуляторы социальной нормы, наряду с политическими, правовыми, морально-этическими, эстетическими и корпоративными, призваны сохранить в многогранной личности стремление к поиску смысла и цели жизни, такие присущие человеку качества, как умение гармонично жить в обществе, будучи толерантным, ответственным и милосердным.

В условиях прогресса внедрения достижений генетики в медицину без их должного регулирования на этическом и правовом уровнях социальный кризис Запада может усугубиться, в том числе и в сфере религиозных регуляторов социальной нормы. Это связано с тем, что религиозные теории происхождения человека ставятся под сомнение в результате прогресса биомедицины. Следовательно, можно поставить под сомнение и необходимость самой религии, раз наука способствует возникновению вопросов о правдоподобности основной ее теории – божественного происхождения человека.

«Именно с момента появления первых социальных норм, вероятно, следует вести отсчет начала человеческого общества. Чем сложнее его культура, тем многообразнее нормативные установки, ядро которых составляли запреты. Посредством запретов унифицировалось поведение членов общества, а соблюдение их